

Горский В. В. Страница из истории православной русской миссии в Китае: (Письма миссионера): [В. В. Горского к родителям и А. В. Горскому): письмо XXXVII, 19 февраля 1842 г.] // Богословский вестник 1898. Т. 4. № 12. С. 361–372 (2-я пагин.). (Окончание.)

Страница изъ исторіи православной русской миссіи въ Китаѣ.

(Письма миссіонера).

XXXVII.

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА ВЪ КИТАѢ.

Къ родителямъ и брату.

Пекинъ. Русское подворье.

19-е февраля 1842 г.

..... Я живъ и здоровъ, и уже въ другой разъ встрѣчаю Пекинскую весну, которая нынѣшній годъ, мнѣ кажется, роскошнѣе и привлекательнѣе прежней. Дни мои идутъ правильною чередой какъ заведенные часы, и по прежнимъ моимъ письмамъ вы можете имѣть самое вѣрное понятіе о нынѣшнемъ моемъ житьѣ-бытьѣ, которое въ главныхъ чертахъ останется неизмѣннымъ и на всѣ десять лѣтъ, если только суждено будетъ мнѣ перейти это огромное поприще. Разница только въ томъ, что теперь съ каждымъ днемъ время летитъ для насъ все быстрѣе и быстрѣе и что мы уже можемъ вспоминать не объ одной Россіи, но и о первыхъ дняхъ нашего вступленія на чужую землю и въ другую жизнь, которые — слава Богу! — миновались навсегда. Какъ ни мало прошли мы своего пути, но все пріятно оглянуться назадъ, и самое грустное въ дѣйствительности привлекательно, или по крайней мѣрѣ свѣтло въ воспоминаніи и укрѣпляетъ для будущаго. Вотъ новый элементъ въ нашей жизни, который съ каждымъ шагомъ впередъ, долженъ болѣе и болѣе возрастать и своимъ благотѣльнымъ вліяніемъ поддерживать и животворить силы духа. Въ другихъ отношеніяхъ я остался такимъ же, какимъ былъ и прежде; значить, ни во мнѣ самомъ, ни въ

нашемъ маленькомъ обществѣ, не случилось ничего особеннаго, о чемъ стоило-бы писать и вамъ. Но если такъ скудна и ограничена наша жизнь, за то вокругъ насъ много совершается новаго для насъ и любопытнаго для васъ, вотъ вамъ разрѣшеніе той загадки, почему мои письма и были и будутъ только описаніемъ того, что совершается предъ нами, а не собственно нашей дѣятельности. Я не знаю, до какой степени могутъ интересовать васъ мои разглагольствія; но мнѣ не хотѣлось бы говорить съ вами только тремя словами и посылать пустую бумагу. Я желалъ бы пересказать вамъ обо всемъ, что занимаетъ, поражаетъ мою душу, но одинъ предметъ, который обращаетъ теперь на себя полное мое вниманіе, — это Китайъ въ его внутренней и внѣшней жизни. Потому удивительно-ли, что каждое слово мое невольно будетъ напоминать вамъ о томъ, странномъ и громадномъ мірѣ, который вѣчно предъ моими глазами? Мои письма, по самому естественному порядку вещей, должны сдѣлаться только замѣтками, отчетами или по кр. мѣрѣ пересказомъ о моихъ собственныхъ наблюденіяхъ, на томъ поприщѣ, на которомъ я поставленъ, и вотъ другая причина, почему я *прошу* васъ сохранить *до* меня и *для* меня эти отрывки, которыя по большей части суть самыя вѣрныя выраженія моего *настоящаго* или въ жизни, или въ занятіяхъ или въ обстоятельствахъ, и которые, *если не будутъ признаны вашимъ вниманіемъ*, можетъ быть неозвратно *погибнутъ для меня самого*. Я нарочно, при настоящемъ случаѣ, сдѣлалъ такое обширное предисловіе, чтобы избавить васъ отъ всякихъ недоумѣній и оправдать самого себя. Вы меня снисходительно простите за такое сухое отступленіе; а я теперь постараюсь вамъ нарисовать нѣсколько видовъ изъ Китайской жизни, гдѣ увидите рѣзкій контрастъ между Европою и Азією, нашими понятіями и обычаями и жизнію востока.

Уже нѣсколько дней, какъ я засыпаю подъ громомъ лопающихся ракетъ и пробуждаюсь при звукахъ Хэшанскаго колокола въ сосѣдней кумирнѣ, сопровождающихъ утреннее жертвоприношеніе. Весь этотъ тревожный шумъ и трескъ отъ того, что теперь нѣсколько дней сряду Китайцы празд-

нують начало новаго года. И надобно сказать правду, что это одинъ изъ самыхъ главныхъ праздниковъ не только въ самомъ Китаѣ, но и въ цѣломъ свѣтѣ, по многочисленности торжествующихъ и по единству времени, въ которое онъ совершается. Сотни милліоновъ сливаются въ одно цѣлое и, не смотря на рѣзкое различіе религіозныхъ, политическихъ и нравственныхъ идей, въ одно мгновеніе одушевляются одною жизнію, какъ будто всѣ они были членами одного обширнаго семейства, крѣпко связаннаго самыми неразрывными узами. Даже наши Бурята, кочующіе въ степяхъ Сибири, и Калмыки, поселившіеся на берегахъ Волги, въ это же самое время начинаютъ свое неволѣтіе и торжествуютъ такъ называемый *Цаганъ Сара-бѣльмъ мѣсяцъ*. Учрежденіе, получившее свое начало вслѣдствіе условій гражданской и общественной жизни, въ Китаѣ, какъ и вездѣ освящено религіознымъ вѣрованіемъ, преданіями старины, украшено суевѣрною фантазією, такъ-что отъ сліянія этихъ разнородныхъ элементовъ оно получило удивительно разнообразный, живой и блестящій колоритъ. Еще съ двадцатаго числа послѣдняго мѣсяца истекающаго года, Китай мало по малу начинаетъ приготовляться къ встрѣчи этого торжества; въ этотъ день во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ печати, которыми скрѣпляются всѣ дѣла и бумаги, кладутся въ особо устроенный ящичекъ и запираются на цѣлый мѣсяцъ,—это называется *закрытіемъ печати* и служитъ знакомъ прекращенія всякихъ дѣлъ; никто не имѣетъ права въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ нарушать такого постановленія. Между тѣмъ въ Пекинъ стекается со всѣхъ сторонъ вся степная знаменитость Средней Азіи и другихъ мѣстъ, признающихъ надъ собою власть Китайскаго Императора. Монгольскіе ханы, князья, Тайцзи (родовые дворяне), Тибетскіе ламы, Хубилчаны (перерожденцы) различныхъ монастырей, посланники Корейскаго Государя,—являются въ столицу, съ табунами коней, бѣлыми верблюдами, стадами барановъ, священными книгами, курительными свѣчами и множествомъ другихъ вещей, которыя они обязаны представить въ дань Государю, и ожидаютъ перваго дня новаго года, чтобы, стоя на колѣнахъ съ земными поклонами, торжественно принести сыну неба привѣтствіе въ знакъ своего рабскаго подданства. Столица

дѣлается оживленнѣе прежняго; разноплеменные толпы тѣсняются на улицахъ; поминутно встрѣчаются многочисленные поѣзды князей, въ носилкахъ, каретахъ (совсѣмъ не такихъ, какъ у насъ) и верхами; во всѣхъ лавкахъ выставлены кучи различныхъ вещей, игрушекъ, картинъ, фонарей, приготовленныхъ на праздникъ; изъ каждаго дома выносятся по нѣскольку красныхъ хэцзъ (большихъ складныхъ чашъ) съ различными вещами, цѣлыми обѣдами, конфектами, которыми, по древнему неизмѣнному закону, всѣ знакомые, мужчины и женщины, пересылаются между собою на новый годъ; однимъ словомъ — жизнь кипитъ на всѣхъ концахъ Пекина, гдѣ приблизительно можно положить число жителей по кр. мѣрѣ около двухъ милліоновъ. Вечеромъ, съ 22 на 23-е число, начинаются первые ракетные взрывы, — предтечи будущаго торжества. Въ эту ночь Китайцы приносятъ жертву *Цзао Вану* (а Китайцы имѣютъ религіозное обыкновение при каждомъ жертвоприношеніи дѣлать ракетные выстрѣлы, которые должны, такъ сказать, разбудить Божество и вмѣстѣ придать торжественности при совершеніи обряда). По понятіямъ народной вѣры, это домашній духъ, которому посвященъ *огонь очага* и который, по ихъ мифологіи, живетъ подъ *ди каномъ*, или въ самой Луцзѣ (нѣчто въ родѣ нашего кашина). Цѣлый годъ постоянно онъ бываетъ въ домѣ, и въ продолженіи всего времени наблюдаетъ за поступками живущихъ въ немъ; у него двѣ книги: въ одной изъ нихъ записываетъ добрыя, и въ другой худыя дѣла. Живя въ томъ самомъ мѣстѣ, подлѣ котораго особенно любятъ сидѣть Китайцы, гдѣ они вкушаютъ свой кѣйфъ и наслажденія, онъ имѣетъ средства хорошо присматривать за поведеніемъ своихъ подчиненныхъ. Подробно описавши всю жизнь ихъ, онъ, передъ окончаніемъ стараго года, отправляется на небо, дѣлаетъ докладъ верховному существу о людяхъ, вѣренныхъ его попеченію и, сообразно съ прошедшею ихъ жизнію, проситъ небо или наградить ихъ счастіемъ въ будущемъ году, или поразить бѣдствіями за грѣхи. При отправленіи его въ такой далекій путь, китайцы готовятъ ему на дорогу хлѣбцы изъ муки, смѣшанной съ солодомъ, намазываютъ ему губы этимъ сладкимъ растворомъ, чтобы божокъ не былъ слишкомъ болтливъ и не все рассказывалъ

на небѣ, что дѣлается на землѣ; и наконецъ, въ заключеніе спектакля, сжигаютъ бумажный или деревянный образъ его, въ знакъ того, что его ужъ дома нѣтъ и что онъ вмѣстѣ съ дымомъ и пламенемъ вознесся на небо. Въ его отсутствіе можно грѣшить какъ угодно; доносчика нѣтъ, а небо само не узнаетъ. Съ началомъ новаго года онъ снова является на землѣ и начинаетъ свое дежурство. Такъ народъ по своей привычкѣ—отвлеченныя истины облекать въ формы и мысль превращать въ воображаемыя существа, олицетворилъ нравственныя идеи о правосудіи Божества и воздаяніи небесномъ за наши дѣйствія. Впрочемъ, Цзао не есть созданіе одного народнаго воображенія; по ученію Даоской религіи, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ небесныхъ духовъ, которые наблюдаютъ за нравственную жизнью человѣческаго рода и, по ихъ понятіямъ, онъ представляется уже не созданіемъ фантазіи, не подчиняющейся законамъ ума въ своемъ творчествѣ, но высшимъ благотворнымъ существомъ, котораго бытіе тѣсно связано съ ихъ ученіемъ о воздаяніи нравственныхъ дѣйствій, хотя и Даосы не возвысились въ этомъ случаѣ до чистой духовности и въ нѣкоторомъ отношеніи низошли до народной міѳологіи. Кажется, что Цзао Ванъ есть еще остатокъ первобытной религіи Китая, облагороженный послѣдователями Лао цзы, и снова искаженный суевѣріемъ народа. Въ то самое время, когда все на небѣ занято разсматриваніемъ различныхъ записей и сказаній о людскихъ дѣлахъ и рѣшается судьба будущаго года, весь Китай спѣшитъ окончить всѣ старыя дѣла, чистится, моется, брѣется, расплачивается съ долгами, накушаетъ красныхъ свѣчъ, приготавливаетъ визитные билеты, вынимаетъ нарядное платье, — и въ такихъ ужасныхъ хлопотахъ непримѣтно проходитъ время до самаго кануна новаго года. Все старое, что не дорого было перемѣнить, брошено; являются новыя вывѣски, на воротахъ новыя картинки и надписи; вездѣ налѣплены красныя бумажки—символь радости и на всемъ красуются двѣ буквы *фу* и *шеу*—счастіе и долголѣтіе. Самъ Императоръ пишетъ на желтой бумагѣ съ драконами эти многозначительныя слова и разсылаетъ ихъ своимъ князьямъ въ знакъ особенной милости. Наконецъ, наступаетъ *чу си*—послѣдній вечеръ. Едва догоритъ послѣдній лучъ заходящаго

солнца, какъ одинъ за другимъ непрерывно слѣдующіе ракетные выстрѣлы наконецъ сливаются въ такой адскій шумъ и трескъ, что кажется, цѣлый міръ готовъ обрушиться на васъ; цѣлые сотни ракетъ, связанные въ одну цѣпь, въ одну минуту вспыхиваютъ и разрываются тысячею ударовъ; страшный гулъ непрерывною волною несется надъ вами и поглощаетъ всѣ другіе звуки. И такая раздражающая музыка, не умолкая ни на одно мгновеніе, продолжается нѣсколько часовъ до самыхъ послѣднихъ минутъ умирающаго года, когда вдругъ въ цѣломъ городѣ наступаетъ торжественная тишина, какъ будто люди боятся нарушить спокойную картину улетающаго времени. Стражъ бьетъ двѣнадцать часовъ; Императорскій колоколъ торжественно звучитъ надъ этимъ общимъ безмолвіемъ; въ одно мгновеніе растворяются дворцовыя двери; цѣлые ряды принцевъ, хановъ, князей, вельможъ, вытянувшись въ двѣ большія линіи отъ самаго дворца до главныхъ воротъ, падаютъ на колѣни; медленно выходитъ изъ залы Императоръ и садится въ носилки и начинаетъ свое шествіе къ Шаманскому храму, который лежитъ въ полуверстѣ отъ нашего подворья. Такая процессія, сопровождаемая огромною свитою князей, среди поразительной тишины, ночнаго мрака, при одномъ свѣтѣ фонарей и факеловъ, медленно тянется по опустѣлымъ улицамъ Пекина, на которыхъ можно видѣть только одну стражу. Императоръ, совершивши девятикратное поклоненіе предъ тѣнями своихъ предковъ, изъ храма отправляется слѣлать такое же поклоненіе предъ своею семидесятилѣтнею матерію и возвращается въ пріемную залу, гдѣ всѣ князья и вельможи, какъ рабы, на колѣняхъ должны принести ему поздравленіе. Едва Императоръ окончилъ все религіозныя церемоніи, каждый отецъ и глава дому, какъ жрецъ и первосвященникъ своего семейства, приносятъ жертву и— снова Пекинъ оглашается страшнымъ трескомъ ракетъ; потѣшныя огни, какъ искры, сыплются въ воздухъ,—то вспыхиваютъ, то исчезаютъ, или падаютъ цѣлымъ фонтаномъ; во все это время и въ продолженіе перваго дня пальба не умолкаетъ, и ны можете подумать, что городъ берутъ приступомъ. Съ разсвѣтомъ дня начинаются поздравительныя визиты, которые состоятъ въ томъ, что равныя развозятъ, точно такъ же какъ у насъ,

билеты, а младшіе и пизшіе дѣлають *катоу*. Едва я успѣлъ встать, какъ въ мою комнату пришла вся наша дворня, чтобы по обыкновенію совершить предо мною такую же церемонію. Вамъ надобно объяснить, что значитъ *катоу*: т. е., собравшись съ мыслями съ чувствами, съ толкомъ и разстановкою встать на колѣни и безъ отдыху, но не торопясь, девять разъ бить челомъ до самаго полу; между тѣмъ вы должны сидѣть съ возможною важностью, какъ будто отъ васъ зависитъ жизнь и смерть, счастье и зло того, кто раболѣпно служитъ предъ вашею степенною особою, кто не иначе смѣетъ величать себя предъ вами, какъ вашимъ *Ну цай*, т. е. вашимъ рабомъ,—почти тоже, что вашею собакою; разлегшись спиной на великолѣпной подушкѣ, положивши одинъ локоть на малиновый столикъ, который нарочно стоитъ на диванѣ для вашего комфорту, почти подъ самымъ носомъ, поставивши ноги на скамейкѣ, съ коротенькою трубкою въ зубахъ, вы пускаете цѣлые облака дыму и изъ-за этой заоблачной сфѣры спокойно, безстрастно смотрите на бритые лбы, длинные косы, метаются то вверхъ, то внизъ, то внизъ, то вверхъ; при каждомъ поклонѣ на расцѣвъ говорите *да си, фа цай*—великая радость, будете богаты; и въ заключеніе, поморщившись раза два, прикажете слугѣ вашему выдать поклонникамъ тысячь десять челоувъ (каждая тысяча равняется 2 руб. 50 коп.). Для насъ странны и непріятны такіа церемоніи; но для Китайцевъ это такъ же легко, какъ намъ раскланяться и шаркнуть ногой. Тягостный обрядъ есть слѣдствіе тѣхъ деспотическихъ началъ, которыя лежатъ въ основаніи государственнаго и семейнаго управленія; а бѣдные готовы разбить лобъ свой предъ каждымъ, у кого только могутъ выманить лишнюю копѣйку. Самые высшіе чиновники,—родственники Императора, даже дяди Государя предъ Богдыханомъ должны всегда стоять на колѣнахъ, при всѣхъ докладахъ, и бывали случаи, что старики послѣ такой тяжелой обязанности не въ силахъ были подниматься и надали на полъ. Этого *катоу* всегда требовалъ китайскій дворъ отъ всѣхъ европейскихъ посланниковъ, пріѣзжавшихъ въ Пекинъ; и этотъ унижительный обрядъ всегда былъ камнемъ претыканія для политики тѣхъ и другихъ. Къ чести нашей миссіи должно сказать, что никто изъ миссіонеровъ

ни предъ здѣшними *да жинями* (вельможами), ни князьями никогда не дѣлалъ ни *катоу*, ни *цинань* (*цинань* значитъ встать на одно колѣно при встрѣчѣ съ кѣмъ нибудь изъ высшихъ). Въ выполненіи такого рода церемоній проходитъ нѣсколько дней праздника, который въ другихъ подробностяхъ довольно сходенъ съ нашими. Я не буду описывать ихъ, чтобъ не утомить ни себя, ни васъ, потому что и самый праздникъ послѣ дѣлается уже скучнымъ. Но самый конецъ его также блистателенъ какъ и начало.

Съ 13 го числа начинается *праздникъ фонарей*, — эта пестрая, фантазмагорическая картина, о которой много толковали у насъ въ Европѣ и которая въ позднѣйшія времена стала только слабою тѣнью прежняго, если вѣрить Китайскимъ описаніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ древности этотъ праздникъ имѣлъ глубокой религіозный смыслъ и посвященъ былъ въ честь животворящей силы природы, которая въ Китаѣ, именно съ этого времени, начинаетъ обновляться послѣ зимняго сна. *Тай и*, которому прежде приносили жертвы въ настоящій праздникъ, не есть простой духъ, какъ думаетъ о. Такинъ, но, мнѣ кажется, что подъ этимъ словомъ нужно разумѣть Высочайшее существо, потому что *тай и* собственно значитъ *верховная единица*; это предположеніе подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что до сихъ поръ уцѣлѣло обыкновеніе дѣлать надпись на фонаряхъ: Высочайшему существу, верховному разуму, сущности всѣхъ вещей... Можетъ быть, въ глубокой древности эта всеживотворящая сила представлялась въ видѣ луны, которая въ это время, какъ періодъ полнолунія, являлась во всемъ блескѣ и величій и воображенію первыхъ людей, смотрѣвшихъ вѣщественно на міръ, она могла представиться матерію жизни. Безъ преувеличеній и поэзии нужно сказать, что въ это время, при благотворномъ распространеніи самой первой, живительной, весенней теплоты, лунныя ночи очаровательны, и не даромъ Китайскіе поэты искали вдохновеній въ этомъ праздникѣ. Освѣщеніе фонарями, или лучше огонь былъ эмблемою жизни и слѣдствіемъ того, что жертвы въ настоящій праздникъ приносились ночью. Съ удаленіемъ отъ первобытной религіи, народъ болѣе и болѣе забывалъ глубокой смыслъ торжества; къ нему примѣшались другіе обряды и ж ртвы,

которые въ формѣ совершенія ихъ носятъ на себѣ слѣды шаманства; наконецъ совсѣмъ изгладилось изъ памяти первое значеніе праздника, но самая форма, правившаяся простому народу, сохранилась до сихъ поръ, хотя и она уже много потеряла своего прежняго величія. Теперь никто вамъ изъ Китайцевъ не объяснить, что значитъ этотъ праздникъ и вы сами должны уже догадываться о его цѣли и смыслѣ по нѣкоторымъ весьма недостаточнымъ описаніямъ. Но извините, — я уклонился отъ дѣла. Сейчас же вамъ расскажу, что такое нынѣ праздникъ фонарей. Это что-то въ родѣ нашей иллюминаціи, которая главнымъ образомъ проявляется въ самыхъ важныхъ частяхъ города, гдѣ обыкновенно возвышаются четверы огромныя ворота, образующія внутри себя площадь, которая для извѣстныхъ отдѣловъ столицы служить центромъ, куда сходятся улицы съ четырехъ сторонъ. Всѣ лавки и магазины, принадлежащія къ этому сводному пункту, извнѣ и извнутри иллюминированы самымъ яркимъ огнемъ. Фонари различныхъ величинъ, сортовъ, фигуръ висятъ цѣлыми рядами, связками, гирляндами и горятъ радужными красками: то сверкаетъ предъ вами самый бѣлый матовый свѣтъ, то переходитъ въ нѣжный палевый, то играетъ яркимъ румянцемъ, рубиномъ, пурпуромъ, то дѣлается зеленымъ, какъ листъ пальмы или кипариса, или превращается въ темно синюю лазурь восточнаго неба; однимъ словомъ—затѣйливое воображеніе дало простому лучу огня всѣ цвѣты и оттѣнки призмы, чтобы очаровать зрѣніе разнообразіемъ цвѣтовъ. Самая пестрота, не подведенная подъ строгія условія единства, гдѣ на каждомъ шагу видите слѣды прихотливой, живой фантазіи, такъ же нравится вамъ, какъ арабески въ архитектурѣ и варіаціи въ музыкѣ. Но еще не здѣсь выражается все разнообразіе этой картины: взгляните на форму фонарей, и — вы скажете, что Китайцы великіе люди на малыя дѣла. Предъ вами лошади и машутъ гривами, плаваютъ огненные рыбы, прыгаютъ обезьяны; букеты цвѣтовъ во всѣ стороны сыплютъ лучи; изъ-подъ зелени деревъ сверкаютъ золотые плоды; однимъ словомъ—цѣлые сѣти фонарей роговыхъ, шелковыхъ, стеклянныхъ, бумажныхъ и даже овощныхъ приняли всѣ формы, какія угодно было имъ сообщить самому досужливому искуснику. Здѣсь вертятся волшебные фонари

съ различными странными тѣнями, которыя такъ быстро являются и исчезаютъ, что каждый разъ они представляются вамъ чѣмъ-то новымъ, воздушнымъ, неуловимымъ. Вообразите себѣ тысячи народа волнующагося какъ море то въ ту, то въ другую сторону: одни съ неподражаемымъ хладнокровіемъ смотрятъ на Божій міръ и, кажется, ничего не видятъ; другіе, разинувъ рты, стоятъ какъ прикованные на одномъ мѣстѣ, изъ окошекъ проѣзжающей кареты выставляется *кань цзаръ* (не умѣю перевести, собственно латы, походить на душегрѣйку, — его носятъ мушкетеры и женщины) Маньчжурки и высокая прическа Китайки. Толпы народа приходятъ и уходятъ, но безъ убыли, такъ что вы со всѣхъ сторонъ подавлены народомъ.

Вотъ вамъ картина того, что я видѣлъ прошедшій и нынѣшній годъ. Праздникъ фонарей сопровождается тѣмъ же, чѣмъ и наши святки, — гаданьемъ, что называется здѣсь встрѣчать *цзы гу*. Кажется, что это дѣло женщинъ, которыя до сихъ поръ еще отчасти сохраняютъ этотъ обычай; впрочемъ не ручаюсь за всеобщность его. *Цзы гу* была одна молодая наложница одного богатаго человѣка, но, по капризамъ ли старшей жены, опасавшейся красоты ея, или по другимъ причинамъ, только несчастная была выгнана изъ дома. Такой жестокой поступокъ такъ поразилъ ее, что она не въ силахъ была перенести его и умерла съ тоски. Это было въ старину и люди того времени, какъ говоритъ одна хроника, изъ уваженія къ ея памяти, причислили ее къ безсмертнымъ духамъ, нарисовали съ нея образъ и стали приносить ей жертву. Но изгнанницѣ и по смерти не было дано мѣста въ домѣ и въ продолженіи цѣлаго года ея образъ валяется въ самомъ презрѣнномъ мѣстѣ. Но за то каждый годъ 1-й луны 15-го числа вечеромъ всѣ домашніе собираются толпою, идутъ къ тому мѣсту, гдѣ она находится, дѣлаютъ предъ ней слѣдующее заклинаніе: „*цзы сюй бу цай, цзо фу и синъ, сяо гу кэ ку*, т. е. *цзы сюй* (названіе мужа) пѣтъ дома, *цзо фу* (имя свекрови) ушла, молодая дѣвушка выдь къ намъ“; послѣ сихъ словъ они выносятъ ее на главный помостъ, ставятъ сосудъ съ жеребьями, вынимаютъ ихъ и по нимъ стараются угадывать свою будущую участь. Я нарочно рассказалъ эту исторію о *цзы гу*, потому что въ

ней открывается часть завѣсы съ гаремной жизни, которая царствуетъ въ дворцахъ здѣшнихъ князей и вельможъ. Кто бы ни была Цзы гу, но она есть самое живое и вѣрное изображеніе той ужасной судьбы, которой порвергаются здѣшніе одалиски отъ ревности жепъ, деспотической власти мужа, который можетъ продать свою наложницу, какъ рабу съ аукціона. Лишенная всякой защиты въ случаѣ несчастія, онѣ обращаются съ мольбами къ своей страдальцѣ подругѣ и передъ ея изображеніемъ, какъ предъ своею судьбою, спрашиваютъ о грядущихъ дняхъ. Въ довершеніе тяжкаго положенія ихъ, имъ не дозволено даже имѣть при себѣ изображеніе своей покровительницы и, какъ будто въ насмѣшку и поруганіе, Цзы гу въ продолженіи цѣлаго года терпитъ позорную ссылку.

По окончаніи праздника фонарей, продолжающагося три или четыре дня, совершенно оканчивается торжество новаго года и все приходитъ въ прежнюю колею! Но если бы Китайскіе праздники были въ десять разъ великолѣпнѣе и торжественнѣе, то и тогда бы они не стоили одного семейнаго чисто Русскаго праздника. Здѣсь нѣтъ разгула для души и сердца, а блестящая мишура только хороша на видъ, да и то скоро тускнеть!

Къ празднику Св. Пасхи мы ожидаемъ повои почты изъ Россіи, и ваши безцѣнныя строки будутъ для меня краснымъ яичкомъ. Промедшаго году въ мартѣ, въ воспоминаніе васъ, я посѣять цвѣты и они пышно разцвѣли. Нылѣ посажу кустъ *Дань чжи*: это одно изъ самыхъ роскошныхъ цвѣтущихъ деревъ; у насъ я не видалъ ничего подобнаго...

Еще у меня есть просьба. Я прежде просилъ васъ выслать *Исторію Гунновъ Неймана*: если она уже куплена, или скоро можно достать, то, получивши, въ тоже время отправьте въ Кяхту. Въ нынѣшній разъ отъ насъ отправляется въ Департаментъ требованіе нѣкоторыхъ вещей и, по всей вѣроятности, онѣ съ будущею же почтою пошлются къ намъ, а при казенной посылкѣ отправятъ и всякую частную.

Въ прошедшую почту мы получили сочиненіе о. Іакинава: *Китай...*, прочитали и моею свѣряли съ самымъ опы-

томъ. Въ От. Записк. статья объ этомъ сочиненіи—сочиненіе самого автора, а потому мы не знаемъ, какъ принять въ нашей ученой публикѣ трудъ о. Іакинеа. Любопытно знать не оцѣнку книги, но взглядъ самихъ критиковъ. Впрочемъ, у насъ еще трудно слышать что-нибудь въ такомъ родѣ, а общія идеи—истерлись...
